

НОВЫЕ МИГРАНТСКИЕ СООБЩЕСТВА В РОССИИ: О ЧЕМ ГОВОРIT СТАТИСТИКА?

Опубликовано в: Международная миграция населения на постсоветском пространстве в эпоху глобализации. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 26, с.53-61, - М.:Изд-во МГУ, 2012

Введение

Настоящая статья представляет собой попытку охарактеризовать формирование новых мигрантских сообществ на основе первых итогов Всероссийских переписей населения и текущего учета иностранной рабочей силы. Термин «новый», используемый в данной статье, достаточно условен и относится, прежде всего, к мигрантам из стран постсоветской Центральной Азии, Китая и Вьетнама.

Использование данных переписей и миграционного учета для характеристики мигрантских сообществ – достаточно сложная задача. В сущности, речь идет о том, чтобы оценить структурную динамику нечетких множеств по заведомо неполным данным. Понятия этноса и диаспоры, ключевые для рассматриваемой проблематики, по-разному трактуются различными научными школами. Часть определений скорее ставит под сомнение саму возможность статистического учета, нежели помогает ему. Диаспора, например, определяется как «стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и, тем более, этническая реальность» (Гишков, 2003, с.446), скорее, «практика, проект, притязание и позиция», нежели группа, имеющая очерченные границы (Grubaker, 2005, p.13) и т.д. Неудивительно, что определения тех или иных мигрантских общностей достаточно сложно соотнести с такими учетно-статистическими категориями, как постоянное или временное население, его национальный состав и т.д.

С другой стороны, статистическая информация, которую можно использовать для характеристики мигрантских сообществ, далеко не безупречна. Данные всероссийских переписей населения о национальном составе населения неполны, поскольку сведения о части жителей России собирались по административным источникам, в которых сведения об этничности отсутствуют, а часть респондентов отказалась отвечать на вопрос о национальности¹. Кроме того, статистические категории «постоянное население» и «временное население» не позволяют выделить квазипостоянное население - группу мигрантов, которые большую часть года, проживают в России, однако регулярно, на несколько месяцев,

¹ По сообщению Росстата, в 2010 г. у 5,6 млн. человек (почти 4,0%, в 2002 г. – 1,5 млн. человек, или 1%) отсутствовали сведения о национальной принадлежности, из них о 3,6 млн. человек сведения получены из административных источников, а 2 млн. человек не определили свою национальную принадлежность. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

выезжают к семье на родину. Данные о численности иностранных работников в России не только неполны, но и содержат значительный повторный счет. Несмотря на указанные трудности, данные статистического учета позволяют увидеть ряд тенденций формирования новых мигрантских сообществ в постсоветской России, на которых мы и остановимся ниже.

Структурные особенности новых мигрантских сообществ

Комбинированное использование данных переписей населения и текущего статистического учета иностранной рабочей силы позволяет оценить структуру мигрантского общества по продолжительности и постоянству проживания ее членов в России. Указанные характеристики весьма важны в силу того, что между длительностью проживания мигранта в принимающей стране и его социальным статусом наблюдается положительная корреляция. В силу наработанных социальных и экономических связей мигранты, длительное время проживающие в принимающей стране, обеспечивают «новичков» работой, улаживают их конфликты с местными властями и населением и т.д. Для лучшего понимания того, какие группы мигрантов охватываются различными источниками статистических данных, экспертными и масс-медийными оценками (таблица 1), в составе мигрантского сообщества целесообразно выделить следующие группы.

1. *Укорененные мигранты* – лица, которые постоянно, на протяжении ряда лет, вместе с супругами и несовершеннолетними детьми, если таковые имеются, проживают в принимающей стране. Лица данной группы, как правило, наиболее тесно интегрированы в социальную и экономическую жизнь принимающего общества.

2. *Квазипостоянные мигранты*. Лица, которые на протяжении ряда лет проживают большую часть года в принимающей стране отдельно от своих семей, проживающих в странах происхождения. Отношения с последними, как правило, поддерживаются благодаря регулярным и более или менее длительным визитам в страну происхождения. Лица данной группы, как правило, интегрированы в принимающее общество слабее, чем в предыдущем случае.

3. *Временные мигранты*. Трудовые мигранты и/или члены их семей, проживающие в принимающей стране периодически, обычно на протяжении нескольких месяцев в году. Степень их интеграции в принимающее общество слабее, чем в первых двух группах.

4. *Недокументированные мигранты*. Мигранты, нелегально проживающие и/или нелегально занятые в принимающей стране. Данные лица могут входить во все три вышеперечисленные группы, однако в наименьшей степени представлены в первой из них и в наибольшей степени – в последней.

5. *Воображаемые мигранты.* Данные лица не существуют физически и представляют собой информационный фантом², порожденный стремлением заинтересованных групп преувеличить численность мигрантов. Интернет-сайты изобилуют цифрами, в несколько раз превышающими экспертные оценки, доминирующие в научном сообществе. Этот информационный фантом питается прежде всего страхами и нерешенными проблемами, ассоциирующимися с миграцией, а также, в некоторой степени, недостатками статистического учета и методологических стандартов. Даже в серьезных научных публикациях методика, на основе которой получена та или экспертная оценка, обычно опускается – по причине или под предлогом того, что подобная «кухня», не интересна читателю. Вследствие этого граница между информационными фантомами и экспертными оценками оказывается весьма условной, поскольку в обоих случаях полученные результаты приводятся без каких-либо обоснований.

Таблица 1

Охват различных групп мигрантских сообществ источниками данных и оценками

Группы мигрантов	Источники данных			
	Перепись населения	Текущий учет иностранных работников	Экспертные оценки	Масс-медийные оценки
Укорененные				
Квазипостоянные				
Временные				
Недокументированные				
Воображаемые				

Примечание: черная заливка – существенный охват; серая заливка – менее существенный охват; отсутствие заливки – незначительный охват или его отсутствие

На наш взгляд, лица, указавшие свою принадлежность к титульному этносу одного из постсоветских государств Центральной Азии, Вьетнама и Китая в ходе Всероссийской переписи населения 2010г., относятся, в своем большинстве, к первой или второй из вышперечисленных групп. Участие в российских переписях населения является добровольным и, кроме того, респондент имеет право отказаться от ответа на вопрос о национальности. Последняя, в свою очередь, определяется на основе самоидентификации отвечающего. Учитывая это, можно предположить, что лица, заявившие при переписи о принадлежности к указанным этносам, не видели оснований избегать контактов с переписчиками

² Информационный фантом представляет собой “совокупность достоверной, недостоверной и/или заведомо неполной информации, используемой как инструмент формирования требуемых социальных и политических установок” (Мезенцев, 2002, с.28). Вообще говоря, информационным фантомом, созданным в политических целях, могут быть и заведомо заниженные оценки численности мигрантов.

или скрывать свою этническую принадлежность, поскольку проживали на территории России легально и более или менее постоянно.

В отличие от данных переписи, данные о численности иностранной рабочей силы в Российской Федерации относятся, главным образом, к квазипостоянным или временным мигрантам. Сопоставление данных переписи и статистики иностранной рабочей силы (таблица 2) свидетельствует, что постоянное ядро новых мигрантских сообществ значительно уступает по размерам их массивной временной периферии. Численности работников из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии существенно превышают численности лиц соответствующей национальности, определенные по итогам переписи. Еще большим оказывается такое превышение в китайском и вьетнамском сообществах.

Таблица 2

Некоторые характеристики мигрантских сообществ в России

Национальность	Численность работников в по данным учета иностранной рабочей силы в 2010г. *, тыс.	Численность по переписи 2010г., тыс. человек	Графа 2 в % к графе 3*	Темпы роста (2010г. к 2002г.)	
				численности по данным переписей	иностран-ных аботни-ков по дан-ным учета иностранной рабочей си-лы*
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Китайцы	186,5	28,9	645,3	0,84	4,82
Вьетнамцы	46,0	13,9	330,9	0,53	1,72
Узбеки	511,5	289,9	176,4	2,36	33,00
Таджики	268,6	200,3	134,1	1,68	15,99
Киргизы	117,7	103,4	113,8	3,25	18,39
Молдаване	72,2	156,4	46,1	0,91	1,78
Азербайджанцы	40,3	603,1	14,9	0,96	2,69
Армяне	59,8	1182,4	5,1	1,05	4,75

Источники: Российский статистический ежегодник 2011, Стат. сб./Росстат - М., 2011. с.129.

Всероссийская перепись населения. Национальный состав населения.
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

*Данные учета иностранной рабочей силы относятся к гражданам соответствующих государств, а не к лицам определенной национальности. Однако, ввиду того, что основную часть мигрантов из этих государств составляют представители «титულიной» национальности, данные учета иностранной рабочей силы и переписей сопоставимы.

Соотношение между ядром и периферией одной из старейших диаспор России – армянской является противоположным. Временные работники из Армении составляют лишь 5,1% от зафиксированной переписью численности российских армян. Значение данного показателя для азербайджанцев (14,9%) также относительно мало – отчасти это объясня-

ется тем, что значительное число азербайджанцев издавна проживает в российском Дагестане и других регионах страны. Кроме того, судя по результатам выборочных исследований (Мукомель, 2006, с. 54), доля трудовых мигрантов, работающих в России 10 месяцев в году и более, среди мигрантов из Азербайджана выше, чем у мигрантов из других государств.

Перспективы интеграции: сравнительный анализ

Итоги Всероссийской переписи населения 2010г. позволяют предположить, что численность узбеков, таджиков и киргизов, постоянно или почти постоянно проживающих в России растет. Тем не менее, темпы этого роста значительно уступают темпам роста численности временных мигрантов (таблица 2). Еще большим является подобный разрыв для вьетнамских и китайских мигрантов. Рассмотрим вопрос о возможных темпах интеграции новых мигрантских сообществ в российское общество, используя метод сравнительного анализа.

Несмотря на уже весьма длительную (два-три поколения, а в ряде случаев и более) историю пребывания иммигрантских меньшинств из развивающихся стран в странах Запада, интеграция этих меньшинств в западные общества носит далеко неполный характер. Несмотря на очевидные экономические успехи ряда меньшинств, например, индийцев и китайцев в США и Великобритании, положение многих меньшинств на рынке труда остается неблагоприятным. В таких меньшинствах уровень безработицы иммигрантов во втором поколении часто не ниже, чем в первом.

Во Франции безработица во втором поколении меньше чем в первом лишь среди женщин, да и то не во всех меньшинствах (Trajectoires, 2009, p.56). В Великобритании уровень безработицы среди представителей этнических меньшинств, рожденных в Великобритании (13,1%), в 2009г. был даже чуть выше, чем у представителей меньшинств, рожденных за ее пределами (12,8%), и намного превышал уровень безработицы белых, родившихся в Соединенном Королевстве (7,1%).³ Испаноговорящие американцы непропорционально широко представлены среди “голубых воротничков” - их доля среди рабочих промышленности и транспорта в 1,5 раза, а строительства и добывающей промышленности в 2,0 раза выше, чем во всем занятом населении⁴.

³ <http://data.london.gov.uk/datafiles/employment-skills/ea-rate-and-er-by-eg-and-nation.xls>

⁴ Рассчитано по: Bureau of Labor Statistics. Labor Force Statistics from the Current Population Survey <http://www.bls.gov/cps/cpsaat39.pdf> ; <http://www.bls.gov/cps/cpsaat11.pdf>

Следует также учитывать, что экономические успехи не равнозначны глубокой социальной интеграции. Например, для китайского меньшинства в США характерны высокий уровень образования и низкая безработица. Так, в 2009г. уровень безработицы среди китайцев в США был на 2.5 процентных пункта ниже, чем в целом по населению США (US... 2009). В то же время, следует учитывать, что столь низкий уровень безработицы отчасти обусловлен занятостью в китайской этнической экономике, что как показывают эмпирические исследования, ограничивает жизнедеятельность пределами этнической общности (Fong, Ooka, 2002).

Существенные изменения произошли и в осмыслении процессов интеграции западной наукой. Ранние теории, основанные на опыте пребывания европейцев в Новом свете, исходили из того, что ассимиляционные процессы приводят к исчезновению в течение нескольких поколений экономической и социально-культурной дистанции между иммигрантами и принимающим большинством. Более новые теории, учитывающие опыт интеграции меньшинств из развивающихся стран, исходят из иных предпосылок. Согласно этим теориям, интеграция меньшинств – сегментированный процесс, в разной степени охватывающий различные социальные группы и сферы экономической, социальной и культурной деятельности (Portes, Min Zhou, 1993).

Опыт стран Запада свидетельствует, что интеграция новых мигрантских сообществ вряд ли будет быстрой. Превращение временных мигрантов в постоянных жителей представляет собой важную предпосылку интеграции, но отнюдь не тождественно ей. Постоянно проживающий в стране иммигрант, как показывает мировой опыт, отнюдь не обязательно ощущает себя частью принимающего общества и разделяет его ценности. Последнее, в свою очередь, не может заходить слишком далеко в попытках навязать иммигранту новую идентичность. Идея «плавильного котла», когда-то столь популярная в США, все дальше расходится с реальностью. В странах Западной Европы мигрантские сообщества, интеграция которых в принимающие общества является медленной и неполной, уже стали частью социальной реальности и, скорее всего, останутся ею на протяжении ближайших десятилетий. Данная перспектива весьма вероятна и для России.

В поисках сбалансированности

Новые мигрантские общности формируются в рамках Евразийской миграционной системы (Ивахнюк, 2008). Поскольку речь идет именно о *системе*, закономерен вопрос: обладает ли она способностью к саморегулированию? На наш взгляд, ответ на этот вопрос является положительным. Одним из эмпирических аргументов в пользу данного вывода является характер динамики численности иностранной рабочей силы: экспоненциальный

рост в период экономического подъема сменился снижением в 2009-2010гг., возобновление экономического роста сопровождалось увеличением в 2011г. числа выданных разрешений на работу и патентов. Другой, не менее важный аргумент - устойчиво высокая доля трудовых мигрантов, проживающих в России отдельно от членов семьи, находящихся на их иждивении.

Последний параметр тесно связан с другими аспектами функционирования Евразийской миграционной системы. В настоящее время переезд членов семей мигрантов на постоянное жительство в Россию сдерживается сложившимся уровнем заработной платы иностранных работников и ножницами цен в России и странах постсоветской Центральной Азии. Трудовые мигранты, при переезде к ним членов семьи, находящихся на их иждивении, должны либо найти лучше оплачиваемую работу, что всегда сложно либо смириться со снижением уровня жизни.

Постепенное нарастание доли мигрантов, проживающих в России вместе с иждивенцами, вероятно неизбежно, однако резкое повышение этой доли может иметь отрицательные последствия. Необходимость обеспечить хотя бы минимальные стандарты государственных социальных услуг для мигрантов и их семей приведет к росту нагрузки на бюджеты различных уровней, что, в свою очередь, может усилить трения между мигрантами и местным населением. Сложившуюся структуру новых мигрантских общин можно рассматривать как равновесное состояние, достигнутое в ходе взаимодействия целого ряда политических, экономических, социальных и культурных факторов. Однако, высокий уровень социально-политического напряжения, сложившийся в России вокруг проблем международной миграции, свидетельствует о том, что равновесие в Евразийской миграционной системе является достаточно хрупким. Политические решения, способные существенно повлиять на одни параметры этой системы, должны учитывать возможные побочные эффекты, связанные с непредвиденным изменением других.

Весьма поучительным в данном контексте является сравнение иммиграционного опыта Канады и западноевропейских стран. География Канады позволяет ей осуществлять отбор иммигрантов на территории стран, в которых проживают кандидаты на иммиграцию, отбирая тех из них, кто способен быстро найти работу. Это, в свою очередь, «свело к минимуму социальную поддержку вновь прибывших, оставляя тем самым меньше места для обвинений иммигрантов в том, что они являются балластом для страны» (Banting, 2010, p.814). В результате Канада продолжает придерживаться политики государственного мультикультурализма, в то время, когда лидеры западноевропейских стран заявляют о ее провале. Отношение к мигрантам в Канаде, судя по результатам международного вы-

борочного обследования, является более благожелательным, чем в странах Западной Европы. Если в Канаде только 10% населения относит иммиграцию к числу двух наиболее важных проблем страны, то в Великобритании – 37%, Италии – 21%, Германии – 19%, Франции – 16% (Transatlantic...2010, pp.1,2).

Заключение

В ближайшие десятилетия новые мигрантские сообщества будут играть растущую роль в экономике и политике. Идеалы и цели в рассматриваемой области ясны – гармоничные межнациональные отношения, интеграция новых мигрантских сообществ в принимающие общества, вертикальная социально-профессиональная мобильность мигрантов, улучшение их положения в сфере занятости. Не вполне ясно, однако, как достичь этих целей. Скорее всего, их достижение будет происходить методом проб и ошибок. Важно, чтобы социальные и экономические издержки, неизбежно сопровождающие подобные процессы, не оказались бы слишком значительными.

Мигрантские сообщества и принимающее общество представляют собой единую систему. В ближайшие десятилетия интеграция мигрантов в принимающие общества вряд ли будет полной, новые мигрантские сообщества не растворятся в более широком социальном контексте и сохранят свою большую или меньшую особость. Принимаемые решения должны учитывать эту данность. Меры, осуществляемые в сфере миграционной политики, должны обеспечивать баланс интересов мигрантских сообществ и принимающего общества. В противном случае, негативная реакция одной из сторон может привести к значительным издержкам для социальной и политической системы в целом.

Одной из областей, где поддержание баланса особенно важно, является сфера занятости. Необходим также поиск того места, которое должно занимать мигрантское сообщество, «диаспора» в политике. Модель, в которой субъектами отношений являются местные власти и представители той или иной этнической «диаспоры», в отдельных случаях может оказаться эффективной, однако, в то же время, обладает рядом существенных недостатков. Такая модель, скорее закрепляет обособленность мигрантской общины, нежели способствует включению мигрантов в более широкую сеть социальных отношений. Кроме того, легитимность представителей «диаспоры» всегда может быть поставлена под сомнение.

Поскольку взаимоотношения между новыми мигрантскими сообществами и принимающим обществом охватывают политику, экономику, образование, культуру, для принятия обоснованных решений необходима информация о занятиях, гражданстве, составе семьи, уровне доходов и других показателях, характеризующих мигрантские сообщества. В

настоящее время российская статистика значительно отстает в данном отношении от статистики ведущих западных стран. Необходимо также выделение в отдельную категорию и подсчет численности мигрантов, проживающих в России большую часть года, но регулярно, на несколько месяцев, выезжающих к своим семьям в страны происхождения. Решению этих задач могла бы способствовать подробная разработка данных всероссийской переписи населения 2010г. В дополнение к этому было бы целесообразным проведение крупного выборочного обследования международных мигрантов в России.

Литература

Жуковская Ю.В. Процесс социальной адаптации трудовых мигрантов из стран СНГ в малых городах России (на примере Ивановской области). Автореф. канд. дисс. – СПб.,СПбГУ, 2011.

Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. - М.2008.

Миграция и демографический кризис в России/Под ред. Ж.А.Зайончковской и Е.В.Тюрюкановой. – М., 2010.

Мезенцев Д.Ф. Психологическое воздействие информационных фантомов // Вестник политической психологии. 2002. №1.

Мукомель В. Трудовые мигранты в России: экономические аспекты//Международная миграция и современный мир: экономика и политика. Серия Международная миграция населения: Россия и современный мир, вып.18. - М., 2006.

Тишков В.А. Реквием по этносу. - М., 2003.

Banting K. Is There a Progressive's Dilemma in Canada? Immigration, Multiculturalism and the Welfare State. Presidential Address to the Canadian Political Science Association. Montreal, June 2. 2010 // Canadian Journal of Political Science/ Revue canadienne de science politique. 2010.V. 43. Issue 4. P. 797–820.

Fong E., Ooka E. The Social Consequences of Participating in the Ethnic Economy//International Migration Review. V36. №1 (Spring 2002). P. 125-146.

Mezentsev D.F. Psychological impact of informational phantoms. Vestnic politicheskoy psikhologii 2002. №1 (in Russian).

Migration and Demographic Crisis in Russia. Ed by J.A.Zaionchkhovskaya and E.V.Turukanova (in Russian).

US Census Bureau. Selected Populations Profiles in the United States Population Group: Total population. Chinese alone or in any combination. 2009 American Community Survey 1-Year Estimates (электронные таблицы)

http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=ACS_09_1YR_S0201&prodType=table

Trajectoires et Origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats//INED, INSEE, Document de travail 168. Octobre 2010. P. 56. US Census Bureau. S0201.

Transatlantic Trends. Immigration. Topline Data 2010.
http://trends.gmfus.org/immigration/doc/TTI2010_English_Top.pdf